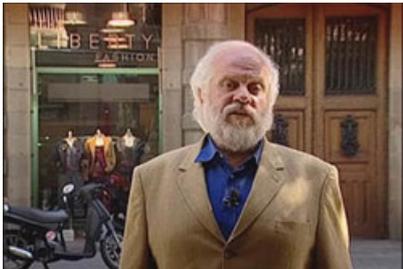

Трудно быть Вайлем

Или легко? Близкие тепло и нежно вспоминают Петра Вайля, отмечая его легкость, обаятельный юмор, самоиронию, чувство меры и нормы.... Таким он запомнился. Счастливы те, кто с ним дружил, работал, писал книги.

Радиостанция «Свобода» в эти дни заполнена Вайлем: в эфире звучат его старые тексты.

На мою долю выпало всего несколько встреч с ним. Одна из них – во Франции в 2006 году на конференции по масс-медиа, где Петр Вайль был гостем и участником. Той весной в Париже бунтовали в очередной раз. На окраинах жгли машины, в центре стояли кордоны полицейских, а толпы молодежи как будто бы мирно гуляли по улицам, либо группками собирались в кафе. Жизнь шла своим чередом, и мы, приехавшие на конференцию, разместились в крохотной старой гостинице напротив Люксембургского сада, в которой по преданию в конце 1880-х останавливался Фрейд. Конференционные люди – публика особая: это, одновременно, и гастролеры, и любопытные туристы. Петр Вайль оказался для всех главным подарком, потому что прогулки с ним превращались в какое-то невероятное лакомство. Разумеется, уже тогда был прочитан и «Гений места», знаком и любим «телевизионный Вайль»... Но Вайль живой, не экранный, не книжный... Другой. Заораживающий. Аппетитный. Аппетит возбуждающий. Словом, фразой, интонацией. Конечно, в его текстах, передачах, на экране все это есть: легкость, естественность языка. Литература и литературность в самом лучшем, самом качественном смысле слова. Но живой Вайль неповторим. Парижские два-три дня превращались тогда в театр, зрелище, – теперь кажется: невероятное, феерическое! – потому что рассказ его слоился, в него вставали разнообразные истории, сведения, факты, а само смотрение, разглядывание города становилось сложным, необыкновенно увлекательным действием. Картинка лепилась на наших глазах из отдельных кусочков, иногда совсем вроде бы случайных, обрывочных.

Когда Вайлю предложили сделать цикл получасовых телесюжетов на основе книги, он растерялся: как это, из слова сделать картинку? Но посмотрите: слово ведь у него само по себе картинка, в ней уже сидит стиль, узнаваемый почерк:

Флобер обедал на краешке письменного стола, Дюма писал на краешке обеденного. 9 сортов устриц в руанском рыбном магазине, 26 видов маслин на уличном рынке в Арле, 95 трав и пряностей на одном лотке базара в Ницце. На резонный с виду вопрос «Зачем нужны эти 9, 26, 95» лучше всего отвечать вопросом «А зачем нужны разные книги, картины, песни?» Отношение к еде и обращение с едой – достижение культуры, и отчетливее всего это понимаешь в Средиземноморье, особенно во Франции.

В отличие от русского, разговорного, французское застолье – гастрономическое, включая темы разговора; отсюда их столики величиной с тарелки, их тарелки величиной со столики. Рыночная торговка вдумчиво и терпеливо разъясняет, почему курице подходит тимьян, а утке чабер, и очередь не ропщет, но горячо соучаствует. Официант, наливающий в тарелку суп, внимателен, как лаборант, значителен, как судья, сосредоточен, как Флобер за письменным столом. В это уважение и самоуважение – три раза в день, а не только по праздникам – стоит вникнуть. А с посещения рынка я начинал бы во Франции любой тур. Впрочем, пусть сперва будут музеи: слабакам – фора... Это Франция, и каждый день к семи утра, как на дежурство, выходил я на улицу Сены, вступая в длинные беседы с мясниками, зеленщиками, рыбаками при помощи слов на доступных нам языках, включая ангельские, рисунков, жестов, мимики, мата. О чем же мы говорили, дай бог припомнить. О жизни, конечно.

В чем прелесть? В отступлениях, вайлевских рассуждениях, обобщениях, уходах и возвращениях к «теме». Прелесть, – в деталях. Прелесть – в покоряющей свободе владения материалом, энциклопедизме знаний, причудливой компоновке сюжетов. Всю дорогу, во всех своих книгах Вайль всегда занимался одним и тем же: из словесных, языковых ингредиентов он составлял разнообразное меню, изготовлял соблазнительные картинки. И получался тот самый *genius loci* – неповторимый гений места.

За Вайлем стоит короткая, но крепкая традиция. Кое-что мы знаем. 1910-е годы. Павел Муратов «Образы Италии». Позднее в 1920-х годах Николай Анциферов. «Душа Петербурга». А в конце 1960-х годов – Цецилия Кин. Ее новомировские очерки, а потом книги об Италии – особенно «Итальянские светотени». Из нерусских – наоборот, много всякого. В Европе-Америке эти культурные опыты не прерывались, а процветали еще с довоенных времен. Каждый уважающий себя интеллектуальный журнал обязательно публиковал к читательской радости культурологические путешествия. Особо вспоминаются Андре Моруа и его прощальный «Париж», написанный незадолго до смерти, и еще Нэнси Митфорд, «Франция. Придворная жизнь в эпоху абсолютизма». Это вчерашнее. И сегодня таких сочинений немало повсюду, особенно в англоязычном мире – Питер Акройд, Ян Бурума, Гарри Уиллз. Все разные. Но объединяет одно: обращение к жанру умной и увлекательной биографии культуры, восстанавливающей всю сложную гамму вкусовых оттенков. Слово «inventing» – «изобретение», культурный поиск, основанный на тончайшем и самом тщательном освоении фактуры, – думаю, ключевое, объединяющее. Петру Вайлю принадлежат многие авторские патенты культурных «изобретений». И двадцать три города в «Гении места», пройденные, прожитые, заново прочитанные, – это по-новому выстроенный европейский культурный ландшафт, это подлинное искусство, кружевная работа, легкая, изящная, но выверенная до последней запятой. Вот уже 10 лет как книга для многих стала незаменимым спутником, учебником для взыскательных туристов, да и просто читателей, прокладывающих свой маршрут.

Те, кто в конце 1990-х – начале 2000-х годов читал «Русский журнал», а потом «Интеллектуальный форум», помнят замечательные статьи, путевые заметки Марка Печерского, харьковчанина, в 1981 году эмигрировавшего в Америку. Одним из самых главных плюсов своей жизни в Штатах Печерский считал возможность каждый год совершать «поездки-включения в культуры стран Европы, Азии. Его письма об этих путешествиях – маленькие шедевры эпистолярного жанра», – как сказал о нем Гефтер. Печерский и Вайль во многом похожи: оба любознательны, только один историк, другой литератор, профессиональные дилетанты, вольнодышащие и вольновидящие, на полную катушку использующие пластичность и гибкость очерковой беллетристики, оба вдохнувшие жизнь в увядший эссеистический жанр, успешно скомпрометированный журналистикой 1990-х годов, лихой, быстро выхолостившей вся и все в боязливом и одновременно дерзком отторжении всего советского. Стебом стеб поправ. Печерский непублично для узкого круга, а Вайль, успешно обрастая книгами и почитателями-гурманами создали свой формат, свой размер и эталон философско-журналистского исследования/путешествия, требовавшего тщательной «домашней подготовки». Уместно ли вспоминать других, вроде бы посторонних в этих особых обстоятельствах прощания? Думаю, да. Ведь Петр Вайль как-то на редкость естественно всегда обрастал компанией, был ее душой, центром, органично встраивался в контекст и сам создавал новые входы в культуру.

Кажется, мы многое знаем о нем. Он щедро и охотно рассказывал о себе, давал интервью. Его жизнь – богатая «вайлиана» – вместила столько, сколько другим хватило бы на несколько биографий: послевоенная юность, перебор занятий – кладбищенский рабочий, слесарь-инструментальщик, грузчик, пожарный, журналист; переезды, города – Рига, Москва, эмиграция в 1977 году, Нью-Йорк, Прага. Отъезд из Советского Союза объяснял тем, что вдруг отчетливо увидел свое будущее до глубокой старости. Стало страшно. «Всё, что происходит и происходило в XX веке в России, ощущаю частью собственной биографии. Всё это имеет прямое ко мне отношение, потому что я — продукт этих хитросплетений. За каждым из этих слов — коллизии российской истории. Как же не стараться всё это осознать?». Этим осознанием, этой «сборкой века» занимался Петр Вайль всегда, – возглавлял ли русскую службу радио «Свобода», писал ли о «Русской кухне», «Родной речи», о шестидесятниках. Книги его – не путеводители, не учебники, а инструменты «настройки». В разговоре со мной в эти печальные дни Зиновий Зиник точно заметил: «Очень мало людей из этой волны эмиграции могли так толково и умело увязать свое российское прошлое с опытом жизни вне России». Думаю, так и есть. Светлая память.

Автор: Елена Пенская © Русский журнал ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 2855 11.12.2009, 10:57 281

URL: <https://babr24.com/?ADE=82770> Bytes: 8357 / 8280 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

[Связаться с редакцией Бабра:](#)

Автор текста: **Елена Пенская.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

